

ВЕРОНИКА МАХИНА

Между нулём
и единицей

Вероника Даунгли

Между нулём и единицей - Роман

«Автор»

2026

Даунгли В.

Между нулём и единицей - Роман / В. Даунгли — «Автор», 2026

В самом сердце кантона Граубюнден, Мартин учится обращаться со своим даром. Это звучит не как диагноз, а как навык, почти как искусство — будто эту формулу можно оттачивать, ошибаться в расчётах, а потом находить верный коэффициент. В протоколах дар Мартина пытаются свести к сухим параметрам, а он понимает, что в формуле не хватает самого главного: внимания...

© Даунгли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Между нулём и единицей - Роман

Глава 1

Глава 1. «Вердикт комиссии»

У подножия вершины Беверин, в самом сердце кантона Граубюнден, притаился Исследовательский институт при Университете Содружества — будто сама гора укрывала его от суеты мира. Он стоял в долине реки Рейн, среди исполинских складок Альп, где воздух был настолько прозрачным, что казалось, будто можно услышать, как падают листья за несколько километров отсюда. Здесь официально признан ретороманский язык — редкий, почти призрачный, он звучал в коридорах института редко, но от этого казался ещё более ценным, словно последний шёпот забытой эпохи.

Здание из серого камня с узкими окнами будто срослось со скалой — казалось, его не построили, а высекли из неё, шаг за шагом освобождая из толщи породы. Каменные стены хранили холод веков и молчание, которое здесь ценили выше слов. Тишина в этих стенах была не просто отсутствием шума — она была почти осязаемой, густой, как горный туман на расвете. Её берегли, как редкий артефакт, и нарушали только по необходимости, да и то шёпотом, чтобы не спугнуть. В этих стенах любое слово звучало как приговор, а любое решение становилось частью истории — тяжёлой, негромкой, но необратимой.

Белые коридоры пахли антисептиком, и этот запах въедался в память, смешиваясь с ощущением неизбежности, будто сам воздух здесь был пропитан судьбами. Именно здесь, в комнате для совещаний, решались жизни — не громкие, не героические, а те, что тихо меняют всё, когда кто-то ставит подпись или поднимает руку.

— Ну что ж, придётся его отпустить. Ничего я тут особенного не вижу, — доктор Miller сухо кивнул, будто ставя невидимую печать на вердикте. Его взгляд скользнул по лицам членов комиссии — ровно, без любопытства, словно он читал не эмоции, а строчки отчёта, где каждое слово уже потеряло вкус. Голос звучал так, будто он выносил приговор не пациенту, а самой идее «нормальности», словно это слово давно утратило смысл.

— Через меня столько прошло чудаковатых людей... но они же все на свободе, ходят на работу, заводят семьи. Наверное, себе подобных. Насколько они разные, насколько отличаются своими отклонениями — но не критичны. Так можно и всех людей закрыть в специальных помещениях: они все с отклонениями, все с некими поломками в ДНК.

Члены комиссии молчали, будто боялись нарушить хрупкое равновесие решения. В этой тишине слышался едва уловимый скрип шестерёнок системы — той самой, что привыкла всё раскладывать по ячейкам. И всё же, когда настал момент голосования, все единогласно подняли руки — быстро, почти синхронно, словно хотели поскорее сбросить с себя тяжесть выбора.

— Ну вот и всё. Ещё один человек на свободе. Может, что-то полезное и принесёт этому миру, — главврач экспериментального института Schmidt позволил себе лёгкую усмешку. Высокий, с резкими чертами лица, он напоминал профиль вождя индейского племени — такой же собранный, будто вырезанный из тёмного дерева.

— Ведь здоровые люди совсем ничего не дают для развития нашей системы. Они слишком предсказуемы. А система питается аномалиями.

В этот момент Fischer незаметно потёр спину — как профессор кафедры, который привык держаться прямо, но тело всё равно помнит усталость. Это был тот самый жест, который он делал всякий раз, когда ему становилось неуютно от собственной правоты. Он знал: аномалии действительно двигают науку. Но ещё он знал, что любая аномалия рано или поздно начинает

отражаться на тех, кто её изучает, словно зеркало, которое постепенно искажает и того, кто в него смотрит.

— Да, и верно. Он мне даже очень интересен как субъект, — кандидат наук по психоанализу Weber, в огромных очках, внешне напоминавший индуса, постучал пальцами по папке с делом. Ритм был чуть сбивчивым, как у человека, который пытается удержать внутри нарастающее возбуждение.

— Вот те, кто приходит на консультацию платно, чтобы решить свои «кукушки в голове», — я бы их всех положил в нашу клинику для опытов. А этот... он другой. Чем-то напоминает меня в начале карьеры — будто мир для него ещё не успел стать серым.

Fischer чуть приподнял бровь. Он помнил начало карьеры Weber: тот тогда тоже считал, что «обычные» люди — это не материал для науки. Теперь он так же уверенно делил мир на «интересных» и «пустых». Разница была лишь в том, что теперь у него на это была должность и папка с протоколами, придававшая словам вес.

— Будем наблюдать за ним со стороны. Очень интересно, что он может с таким нестандартным мышлением — я бы сказал, с шоковыми выводами на вопросы тестирования — дать этому миру, — Fischer наклонил голову, словно прислушиваясь не к словам, а к паузам между ними. В этой тишине ему слышалось что-то знакомое: будто он сам когда-то думал так же смело, пока не научился прятать смелость за терминами.

— Вот именно — понаблюдать, не совсем отпуская на свободу, — Baumann заговорила тихо, но в её голосе звенела сталь, холодная и острая, как лезвие альпинистского крюка.

— Наша спецгруппа легко может установить за ним слежку, хотя бы на первое время.

— Ну, на этом и порешаем. Главное, что он совсем не агрессивен. Правда, чудаковатый — я согласен. А кто из нас не чудаковатый? Все через это прошли, потому и разбираемся в этой психологии необычных... — Weber снова постучал по папке, будто хотел разбудить в ней ответы, которые прятались между строками.

Главврач Schmidt подошёл к окну и посмотрел вниз, во двор. Его внешность и правда напоминала вождя индейца: строгие, будто высеченные из камня черты лица, прямой, неподвижный взгляд и длинные тёмные волосы, собранные в тугий хвост. В этой собранной, почти торжественной неподвижности было что-то такое, от чего даже привычные коллеги невольно выпрямляли спины, когда он проходил мимо.

Во дворе, где ландшафтный дизайн служил не только украшением, но и создавал атмосферу спокойствия и доверия для пациентов, стоял огромный фургон — не просто транспорт, а настоящий передвижной дом. Внутри, как знали все, была уютная комната, оборудованная всем необходимым для жизни в движении: складной столик, полки с книгами, мини-кухня и кровать, прятая в стене. От этого пространства веяло чем-то почти домашним, несмотря на свою компактность.

— Нет, ну вы видели, как же там внутри уютно? С таким вкусом всё сделано... Прямо самому хочется там жить, спрятаться от этих внешних шумов и раздражителей. Окунуться в эту закрытую тишину. Вот он сейчас сядет за руль и увезёт этот спокойный мир. Наш чудаковатый человек, — Schmidt покачал головой, и в его голосе мелькнула зависть, которую он не успел спрятать.

Fischer поймал этот оттенок и мысленно отметил: Schmidt завидует не только тишине, но и свободе принимать решения без протоколов. Это было редкое признание, почти исповедь, проскользнувшая в обыденной фразе.

— Да-а-а, я тоже заглянул к нему в фургон вчера вечером, — Fischer чуть прищурился, вспоминая.

— Он сидел за миниатюрным столиком и что-то тихо писал. Я даже позавидовал его одиночеству. В нём есть какая-то собранность, будто он знает, куда едет, даже если сам не говорит.

Baumann, женщина средних лет с жёстким характером, невысокого роста и невероятно выразительной, почти театральной статью, взглянула на всех с некой тоской, которая на мгновение прорвалась сквозь её привычную броню.

— Может, рванем с ним все вместе? Что-то я давно не была в отпуске. У меня здесь уже сдвинулась совсем кукушка. Иногда сама не своя... Это так заразно — наше лечение, — она чуть помолчала, потом, будто стяхивая наваждение, добавила:

— Позвоню-ка я детям, отпрошусь у них.

В комнате на мгновение повисла пауза, и у каждого в голове мелькнуло одно и то же: странно, ведь у неё нет детей. Эта нелепая несостыковка повисла в воздухе, как забытая шутка, которую никто не решился произнести вслух. Кто-то незаметно покосился на Baumann, кто-то уткнулся взглядом в столешницу, чтобы не выдать улыбку, а Fischer едва заметно приподнял бровь — будто пытался понять, была ли это оговорка, самоирония или профессиональный защитный юмор, который в их работе иногда звучит как единственная правда.

Сам Fischer в такие моменты вспоминал, что у него дома на полке стоит стопка непрочитанных книг: он покупал их, чтобы «вернуться к себе», но каждый раз откладывал, потому что в тишине ему становилось слишком слышно собственные мысли — они шелестели, как страницы, которые никто не переворачивает.

— Да вы что, сдурели, что ли?! Ну-ка все по местам! Работать, работать, я сказал! — командный голос Schmidt ударил по нервам, как хлыст, возвращая всех в реальность, где нет места мечтам о побеге.

Все, чуть склонив головы и приподняв плечи к шее, смиренно разошлись по кабинетам, словно послушные тени, привыкшие к распорядку.

Доктор Miller, которого в этом заведении считали самым умным именно потому, что он всегда сначала наблюдал, а потом делал выводы, остался один в кабинете. Он погладил небольшую седоватую бородку, покрутил в пальцах незажжённую сигару, разминая её перед огнём. Его взгляд задержался на папке с делом Мартина, будто в этих бумагах пряталась какая-то тайна, которую можно было разгадать, если смотреть достаточно долго.

— Интересно... Этот Martin столько лет проработал в своей антикварной лавке в Лиссабоне — и ни одной жалобы от покупателей. Только благодарности. Как написано в отзывах книги жалоб: «Он словно видит, что тебе нужно, ещё до того, как ты сам это понял». Чем он так околдовал их, что они стали счастливы, богаты и молоды? В этих словах есть что-то не от мира сего... — Miller произнёс это полушёпотом, будто спрашивая не себя, а папку, словно она могла ответить.

Любопытство, холодное и настойчивое, как сквозняк из приоткрытой форточки, заставило его поднять все материалы и ещё раз углубиться в необычную историю Мартина. Ведь что-то привело его к таким нестандартным взглядам и поведению. Что-то, что пряталось не только в тестах и протоколах, но и между строк, в паузах, в недоговорённостях, в тех местах, где факты обрывались, оставляя простор для догадок.

А в это время молодой человек лет тридцати пяти по фамилии Martin, португальского происхождения, со спортивной фигурой и очень даже приятной внешностью, ловко запрыгнул в свой фургон. Он провёл ладонью по рулю, будто здороваясь с машиной, как с живым существом, которому можно доверить и себя, и свой путь. Мотор тихо заурчал, и фургон плавно тронулся, словно сам хотел поскорее вырваться из этой каменной тишины.

Вокруг расстилались швейцарские зелёные горы, покрытые мягкой дымкой, а идеально гладкая дорога вела в направлении первого городка для его экспериментов. Но Мартин не смотрел на дорогу. Его взгляд был устремлён вперёд, в ту точку, где горизонт сливался с небом, будто именно там прятался ответ на вопрос, который он не решался задать вслух.

И никто из тех, кто наблюдал за ним из окон института, не знал: Мартин не просто уезжал. Он возвращался — туда, где его ждали не протоколы и не диагнозы, а что-то гораздо более важное, спрятанное в складках памяти и в отголосках прошлого.

Глава 2. «Дело Мартина»

Доктор Miller открыл папку с делом — и на мгновение замер. Страницы будто хранили тепло, а от самой папки тянулся едва уловимый запах: сладковатый, с нотой бергамота и тёплого дерева, словно её долго держали в руках, согревая. Он уже читал это дело, но прежде не чувствовал ничего подобного. Сейчас же казалось, будто сама бумага шепчет историю, которую не вписать в сухие протоколы.

Он провёл ладонью по обложке — и пальцы на долю секунды будто провалились в лёгкую, почти незаметную мягкость, как если бы картон был не картоном, а чем-то более податливым, живым. Miller отдернул руку, нахмурился, потом снова коснулся — теперь твёрдо, по деловому. Никакой мягкости. Только холодный, шершавый материал. «Старею, — мелькнуло у него. — Или просто слишком долго смотрю на эти бумаги».

Перед ним лежала сводка местной полиции о задержании Мартина. В ней подробно, с холодной точностью описывалось его нестандартное поведение. Согласно отчёту, Мартина задержали на выходе из его антикварного магазина. У входа толпились люди, в руках они сжимали вещи, которые были им бесконечно дороги. Они тянули их к нему, умоляя забрать в лавку. А он вдруг начал выхватывать эти предметы из их рук и швырять в разные стороны — неистово, слепо, будто не узнавая ни вещей, ни самих людей. Несколько человек получили травмы. Такое поведение было совершенно не в его характере. Что могло толкнуть его на это, оставалось загадкой.

В городке о Мартине ходили легенды. Говорили, что через вещи он умел делать «обмен энергиями»: безошибочно определял, какой предмет кому подходит, и продавал именно тому, кто нуждался в этой энергии. Человек будто наполнялся недостающей силой, черпая её из чужого предмета. И после этого у него всё получалось там, где раньше не выходило. Больные шли на поправку, старики будто сбрасывали годы. Никто толком не понимал, как это работает, но все знали одно: от Мартина получали только благо.

Miller сидел, вчитывался и пытался осмыслить всё это через призму своей науки. Если он сам лечил пациентов, помогая им сохранять спокойствие и не срываться из-за обстоятельств, если выравнивал психику тех, кто потерял себя, то происходящее с Мартином никак не укладывалось в привычные рамки. Да, он знал, как взаимодействуют энергии — в терминах нейрхимии, ритмов мозга, психосоматики. Но не так. Совсем не так.

Он перевернул страницу и погрузился в показания одной из покупательниц:

— Я знаю этого человека не понаслышке, не первый раз я приходила к нему. И всё было хорошо: у меня наладились проблемы с финансами, я встретила любимого человека. Правда, потом потеряла его. Да, и ещё: после того как я принесла ему третью свою дорогую вещь и купила другую по его совету, я помолодела лет на десять. А в этот раз я хотела всего лишь поменять свой дом на более просторный. И что в итоге? Он швырнул в меня мою же вещь. Я даже травму зафиксировала у экспертов... Он сошёл с ума — вот что произошло.

Miller задумчиво провёл пальцем по строчкам. Все претензии были похожи друг на друга, как капли дождя, падающие в один и тот же след.

— Какие же люди ненасытные, — подумал он, чуть склонив голову. — Всё им мало и мало. Хотя, кто знает, окажись я в той толпе, у той двери, может, и сам не смог бы остановиться. Слаб человек.

Он знал это слишком хорошо — не по книгам, а по бесчисленным лицам, проходившим через его кабинет.

— Ну да ладно, — мелькнуло у него в голове. — Ещё одно заявление прочитаю — и пойду на обед.

Он осторожно перевернул следующую страницу, и бумага тихо хрустнула, будто предупреждая: дальше будет не так просто.

— Однажды я заметил в нём некую странность. Это было перед закрытием его магазина. Мне нужна была вещица для подарка. Я спросил, есть ли у вас что-нибудь из старых чернильниц: мой друг любил такие вещи. И Мартин вдруг начал суетиться, заметался по залу, тень пробежала по его лицу, словно он увидел что-то, чего не видел никто другой. Он задал мне странный вопрос: «А ваш друг, что, только что вышел из тюрьмы?» Я опешил: действительно, он вышел, но сидел всего семь месяцев — там с финансами случилась беда в его фирме, но потом всё выяснилось, и его оправдали. Я продолжил: «Ну так что, вы мне продадите эту чернильницу?» На что он резко ответил: «Нет». И попросил меня купить для себя предмет — коробочку, куда стряхивают пепел. Я, конечно, благодарен ему: что-то с моими лёгкими случилось, а после этого они поправились. После службы на флоте я совсем был нездоров. Странно, да? Но самое интересное — мой друг опять попал в тюрьму. И тут уже не совсем лёгкое дельце.

Дочитав, Miller откинулся на спинку стула. Слова будто повисли в воздухе, тяжёлые и неуместные, как камни в воде. Он никак не мог связать эти показания с психиатрической картиной. Здесь речь шла не о срывах, не о потере контроля, не о бреде или галлюцинациях. Здесь было что-то другое — что ускользало от определений, пряталось между строк, шептало о вещах, которые наука привыкла обходить стороной.

На мгновение ему показалось, что папка чуть потеплела под его пальцами, а запах бергамота стал гуще, словно история Мартина пыталась пробиться наружу, требуя, чтобы её услышали не как набор симптомов, а как нечто большее. Он резко отодвинул её, будто испугался, что она вот-вот начнёт говорить вслух.

С усилием оторвав взгляд от бумаг, Miller поднялся. Ноги слегка гудели от долгого сиденья, а в голове роились обрывки мыслей, не желающие складываться в единую картину. Он медленно направился к выходу, по пути машинально поправляя халат. В столовой пахло тушёной капустой и крепким кофе — простым, земным запахом, который должен был вернуть его к реальности. Но даже он сейчас казался чуть чужим, будто принадлежал другому миру, где не бывает людей, способных омолаживать прикосновением к вещи или угадывать тюремные сроки по тени на лице покупателя.

По дороге он поймал себя на том, что всё время потирает пальцы правой руки — будто пытался стереть с них не чернила, а тот самый едва ощутимый след мягкой бумаги, которого на самом деле не было. «Просто усталость, — сказал он себе. — Просто слишком много чужих историй». Но в глубине души уже знал: дело Мартина не хочет быть просто делом. Оно хочет быть услышанным.

И тут, проходя мимо отделения, он невольно задержал взгляд за стеклом смотрового коридора. Там, в полумраке палаты, сидел пациент по фамилии Вебер — никакого отношения к их Weber из комиссии, просто совпадение фамилий. Вебер был убеждён, что каждую ночь его кровать улетает на орбиту, а утром возвращается, оставляя на простынях микроскопические частицы космической пыли. Он даже собирал их в пробирку и приносил медсестрам, искренне надеясь, что те поймут и подтвердят его правоту. Рядом с ним, у окна, стояла женщина, которая говорила, что слышит музыку из водопроводных труб: уверяла, что это симфония, написанная специально для неё, и просила не перекрывать воду, чтобы не «обрывать мелодию».

Miller на секунду задержал дыхание, наблюдая за этой привычной, почти уютной картиной безумия. Вот это он понимал. Это он мог разложить на симптомы, подобрать терапию, отследить динамику. Бред Вебера был замкнутой системой: он имел свою внутреннюю логику, свои доказательства и свою боль. Музыка из труб тоже была системой — пусть и странной, но последовательной. Пациенты цеплялись за эти конструкции, потому что они давали опору там, где реальность рассыпалась.

Но Мартин не строил таких систем. В его истории не было бредовой логики, не было попытки объяснить необъяснимое привычными словами. В показаниях свидетелей не было ни одной попытки Мартина оправдать свои действия, ни одной выстроенной конструкции, ни одного «потому что». Он просто делал то, что делал, и люди вокруг него менялись — или думали, что меняются.

«Это не сумасшествие моих пациентов, — подумал Miller, отводя взгляд от стекла. — Это что-то совсем другое. Не попытка удержать мир, а способность его сдвигать».

Он снова потёр пальцы, будто хотел согнать с них не след бумаги, а это новое, неудобное понимание. И пошёл дальше, к столовой, к запаху тушёной капусты, к миру, который хотя бы пах привычно и не обещал никаких чудес. Но в коридорах института уже будто стучался иной воздух — тяжёлый, насыщенный чужими надеждами и страхами, и каждый его шаг отдавался в нём не просто звуком подошвы по плитке, а эхом чего-то большего, чему он пока не мог подобрать названия.

Глава 3. «Цена дара»

В столовой уже сидели те же коллеги, что голосовали в комиссии. Обед подходил к концу: на подносах остывали остатки тушёной капусты, кофе в чашках потемнел и подёрнулся тонкой плёнкой, а по краям посуды проступила белесая кайма — будто само время здесь застывало, оседая на стенках. Когда Miller вошёл, разговоры на мгновение стихли, и все взгляды скользнули к нему — не как к коллеге, а как к человеку, о котором что-то знают, но не спешат сказать вслух. В этой тишине было что-то тяжёлое, будто воздух в комнате стал гуще от невысказанных мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.